

ВОЗВРАТАТЬСЯ НА РОДИНУ...

Борис
ЧИРКОВ

В пути
из КИТАЙСКИХ
ЗАПИСЕЙ

Народный артист СССР Борис Чирков в составе делегации советских деятелей культуры не так давно побывал в Китайской Народной Республике. Публикуем путевые записи Б. Чиркова о его поездке по Китаю.

Неуклонно и стремительно мы несемся все вперед, навстречу встающему солнцу, обгоняя время и оставляя позади родные леса, горы и реки... Мы — в Китае! Вся страна гостеприимно раскинула перед нами свои громадные просторы.

И мы широко воспользовались этим гостеприимством. Мы проехали с севера на юг весь Китай,

с жадностью вглядываясь в жизнь, быт и историю колоссального государства. Великий труд великого народа, преобразующего лицо своей страны, переделывающего весь уклад своей жизни. — вот что бросилось нам в глаза в первую очередь. Твердая уверенность в своем счастливом будущем окрылила людей и придала им небывалые силы.

Всего около четырех лет назад народ Китая принял за свою созидательную работу, а уже по всей стране видны результаты его упорного труда. Нам посчастливилось проехать от Маньчжурии до Кантона, и повсюду мы видели бурную весну расцвета. Всюду подымались ростки нового. Новые дома и заводы, новые дороги и плотины начинали свою молодую жизнь.

Большая страна — Китай! День за днем бежит поезд с севера на юг, и кажется — нет конца китайской земле.

Сотню за сотней километров пробегает поезд, позади остаются большие и маленькие города и деревни. Среди прочих промелькнул и Шанхайгуань, прижавшийся к самому берегу Желтого моря. Здесь, от высоких каменных ворот, начинается Великая Китайская Стена и, не прерываясь, тянется на запад, по горам и степям, на тысячи километров. По мощным, в несколько метров высотой, стенам пролегает широкая дорога, на которой могут свободно разъехаться две повозки. Расположенные на определенных расстояниях сторожевые башни как бы узлами связывают отдель-

ные звенья этой каменной цепи, опоясавшей северную границу страны.

Покачиваясь на ходу, поезд мчится к югу.

Все резче меняется пейзаж по обе стороны железнодорожного полотна. Степь сменялась холмами, а холмы выросли в горы, которые то совсем близко подходят к дороге, то отступают от нее на несколько километров.

Уже и столица государства осталась позади, а за нею и большой промышленный город Тяньцзинь, близ которого сооружается порт, что станет одним из крупнейших в мире. Огни сталелитейной Тяньцзиня и гудение пароходов в новом порту снова напоминают о рождении индустриального могущества нового Китая, который быстро восстановил свою экономику и строит теперь такие гиганты, как Аньшаньский металлургический комбинат на северо-востоке, как этот порт здесь, на севере страны.

Дальние горы стали снова сходиться, долина становится все уже и уже, и поля карабкаются на склоны холмов все выше и выше, к вершинам, располагаясь одно над другим в двадцать, а то и в тридцать ярусов.

В этих краях мало удобной для посевов земли, и люди ее очень ценят, бережно и старательно обрабатывают, и у нее такой вид, будто бы всю ее просеяли через сито, а потом — мягкую, пушистую — осторожно уложили в поле. Телеграфные столбы и редкие деревья стоят на маленьких пятках неземной почвы, а вокруг них лежат аккуратные ряды всходов. Ни один клочок земли не пропадает даром.

И земля все щедрей одаряет своих хозяев. Нельзя не порадоваться, узнав, что уже в прошлом году свободные китайские крестьяне собрали продовольственных культур на 9 процентов больше, чем когда-либо в истории страны, а хлопка — примерно на 55,7 процента больше наивысшего довоенного уровня. Так же быстро увеличился сбор чайного листа, табака.

На каждой станции на столбах висят китайские и советские знамена. На стенах и заборах развешены красные кумачовые плакаты с яркими желтыми иероглифами — это призывы к дружбе между двумя великими странами — СССР и Китаем.

Часто на перронах вокзалов стоит народ, ожидая приезда советских гостей. Иногда целые группы молодежи в ярких

цветных халатах, вооружившись бубнами, барабанами, флейтами, устраивают здесь же, на перроне, концерт с пением и танцами.

И, конечно, всякий раз непременными участниками этих встреч бывают пионеры. В своих красных галстуках, построившись в ряд, ожидают они прибытия поезда и жадно вглядываются блестящими черными глазками в окна вагонов. Чуть завидят они лица гостей, как стройность их шеренги ломается. А стоит только открыться дверям вагона, как ребятишки сломя голову кидаются навстречу советским людям, плотно облепляя каждого из них, как бы захватывая их в свое полное и нераздельное владение.

...Поезд останавливается у какой-то маленькой станции, и вдруг едущие в нем принакают к оконным стеклам, а многие выходят на перрон и все смотрят на гору, за широкую вершину которой зацепилась желтая тучка и никак не может оторваться от нее.

— Тайшань!

Одна из пяти знаменитых вершин Китая.

Поезд неумоимо бежит на юг. Тянутся вдоль пути залитые водой рисовые поля, похожие на пруды.

Крепнут, тянутся к небу и скоро широко раскинут свои широкие кроны тоненькие пока, словно беззащитные, прутики — ростки молодых деревьев, высаженные вдоль железнодорожных путей. На просторах Китая сейчас идет энергичная работа по лесонасаждению.

Могучая, широкая, в полтора километра от берега до берега, река Янцзы преграждает путь, и поезд взбирается на громадный паровой паром. Теперь он сам, как пассажир, отдыхая, переправляется через реку. Навстречу по реке движется какающая громада, — будто целый квартал города вдруг тронулся с места и поплыл. Это такой же паром, тоже с поездом, только идущим в обратном направлении. Две машины протяжно гудят, словно переговариваясь друг с другом низкими, густыми голосами, и важно расходятся.

Вокзал Нанкина — бывшей гоминдановской столицы. Два часа ночи. Город уже давно спит, но на платформе вокзала большая толпа.

Веселые люди с букетами цветов, знаменами, плакатами радостно встречают прибывший состав. Одновременно гремит несколько оркестров — это население сво-

бодного Нанкина встречает гостей из далекой, но родной Советской страны, посланцев народа — верного друга Китая. Все знают в Китае, что гордость его — новые железные дороги Чэнду — Чунцзя и Тяньшуй — Ланьчжоу, огромное водохранилище на реке Янцзы и гидротехнические сооружения на реке Хуайхэ, новый порт Синьган и другие предприятия созданы с небывалой быстротой благодаря братской помощи Советского Союза. Знают и глубоко ценят помощь советских людей.

На вокзале советских делегатов одаривают цветами. Сейчас глубокая ночь, а все веселы и счастливы тем, что участвуют в этой встрече любви и дружбы.

Миллионы друзей! Десятки миллионов их объединились в Обществе китайско-советской дружбы. Общество всемерно содействует обмену опытом и знаниями между китайским и советским народами. Учиться у Советского Союза призвал китайский народ товарищ Мао Цзэ-дун. И народ горячо откликнулся на этот призыв. Изучение передового опыта Советского Союза китайский народ считает важнейшим условием успешного государственного строительства в своей стране.

Но вот и Нанкин позади. Снова тянутся рисовые поля, щедро залитые водой. Крестьянские домики, как маленькие островки, стоят прямо в воде, и люди сообщаются друг с другом только на лодках. Слева от дороги несет свои воды Янцзы. Река выше, чем поля, которые ограждены земляными насыпями, и кажется, что паром, который хорошо виден из окна вагона, плет прямо над полями по воздуху, оставляя за собой длинный, дымный шлейф.

По железнодорожной насыпи шагают люди в широких, конусообразных соломенных шляпах, служащих одновременно и головным убором, и зонтиком, спасающим от мелкого моросящего дождя.

Пруды, рисовые поля, каналы, каналы тянутся вдоль железнодорожного полотна. Дзонки, крытые мокрыми циновками, — одни плывут, управляемые длинными кормовым шестом, другие стоят, причаленные к берегам реки и каналов. Люди выглядывают из маленьких каюток, женщины здесь же готовят пищу, и легкий дымок вьется над лодками.

В вагоне-ресторане целая компания расположилась у окон. Пассажиры внимательно разглядывают дорогу. За одним из столиков тихий, скромный китаец вдруг начинает смеяться счастливым смехом, не обращая внимания на удивленные взгляды

окутаны прозрачным туманом. — Будто смотришь на громадный аквариум, наполненный синеватой водой.

Древнейшее государство мира отдыхает от дневных трудов.

На протяжении десятилетий присасывались к телу Китая империалистические паразиты, их борзопицы твердили о «драхлости» Китая, о том, что страна уже отжила своей самостоятельной жизнью и должна быть разделена между чужеземными эксплуататорами. И вдруг, этот «драхлый» Китай встал, объединенный общностью надежд и желаний своего полумиллиардного народа, и изумил мир своей силой и молодостью, неутомимой энергией в строительстве нового уклада жизни...

Снова настает день. Реки с прозрачной голубой или зеленоватой водой бегут к теплему морю. Попадаются перелески — сосны и густые лиственные деревья бросают тень, в которую, должно быть, приятно войти и отдохнуть от солнечного зноя.

А вот и пальмы с большими вырезными листьями, — сперва они виднеются только около ломов, затем у дорог, а теперь уже собираются в целые рощи.

А вот и пальмы с большими вырезными листьями, — сперва они виднеются только около ломов, затем у дорог, а теперь уже собираются в целые рощи.

Дорога идет вдоль большой оживленной реки Ецзян. Слово «е» означает древесный лист, «цзян» — река. И правда, растительность здесь богатая, все склоны холмов и гор покрыты лесами, то и дело мелькают в окнах стройные бамбуковые рощи. По зеленоватой воде Ецзян скользят крытые дзонки, прохлоят большие, — вроде наших барж, — суда с желтыми парусами, спитыми из циновок. Тяжелые плоты медленно спускаются вниз по течению. Чаще и чаще деревни. Они сливаются в одно большое селение — началось предместье Кантона. Еще больше становится каналов, озер, протоков. Дома, как на холули, возвылись на сваях и стоят по колено в воде.

Но вот постепенно земля выходит из воды, появляются сухие прогалины, потом начинаются холмы.

Затем пошли парки и сады с высокими кустарниками, яркими цветами. Свайные постройки сменялись домами, прочно вросшими в землю; показывались двухэтажные, потом трехэтажные здания.

Поезд замедляет ход и, как бы запыхавшись от дальнего пробега, останавливается. Кантон.

— Это мой дом!.. Я родился в этих местах. У нас, в Китае, есть поговорка: на небе — рай, а на земле — Сучжоу. Это и есть Сучжоу!

Родина! Прекрасная, лучшая в мире страна, любимые, самые дорогие человеку места на всей земле! Здесь хочет уроженец и жить и трудиться, воспитывать своих детей для счастливой жизни. Защищая эту землю, готов он пролить свою кровь, отдать, если понадобится, свою жизнь. И мы, оторванные от своей земли, вдруг остро и горячо вспомнили о ней и загрустили, захотели домой, несмотря на то, что рядом с нами — милые и верные друзья и что земля их красива и дружелюбна.

Дорогая Родина, мы гордимся тобой за то, что ты, первая на земле, стала Родиной всех тружеников мира, за то, что ты родила самых светлых, самых самоотверженных людей, ставших вождями всего человечества. Когда еще бывало так, чтобы целую страну благословляли все народы? Было, и много раз было, когда одно государство становилось узурпатором и вызывало у людей страх и ненависть. Но всеобщую любовь, преданность и уважение мы заслужили у людей первыми. Какое счастье выпало на нашу долю — быть сыновьями такой страны! Какое счастье и какая громадная ответственность — жить и работать на виду у всего земного шара, быть примером для большей и лучшей части человечества!

...А колеса стучат и стучат, бежит и бежит навстречу дорога, город за городом остаются позади. Вот уже поезд миновал громадный шестимиллионный Шанхай и «жемчужину Китая» — курортный город Ханчжоу. На юг, на юг!..

День сменяется ночью. Желтая луна вышла из-за гор. Поезд бежит, подрагивая на ходу. Вот он загремел, пронесся по мосту через широкую реку, и луна пишет на дрожащей воде золотые иероглифы.

На близком горизонте в голубоватом тумане тихо дремлют горы. Четкие очертания деревьев и домов, речки, пруды, каналы

окутаны прозрачным туманом. — Будто смотришь на громадный аквариум, наполненный синеватой водой.

Древнейшее государство мира отдыхает от дневных трудов.

На протяжении десятилетий присасывались к телу Китая империалистические паразиты, их борзопицы твердили о «драхлости» Китая, о том, что страна уже отжила своей самостоятельной жизнью и должна быть разделена между чужеземными эксплуататорами. И вдруг, этот «драхлый» Китай встал, объединенный общностью надежд и желаний своего полумиллиардного народа, и изумил мир своей силой и молодостью, неутомимой энергией в строительстве нового уклада жизни...

Снова настает день. Реки с прозрачной голубой или зеленоватой водой бегут к теплему морю. Попадаются перелески — сосны и густые лиственные деревья бросают тень, в которую, должно быть, приятно войти и отдохнуть от солнечного зноя.

А вот и пальмы с большими вырезными листьями, — сперва они виднеются только около ломов, затем у дорог, а теперь уже собираются в целые рощи.

Дорога идет вдоль большой оживленной реки Ецзян. Слово «е» означает древесный лист, «цзян» — река. И правда, растительность здесь богатая, все склоны холмов и гор покрыты лесами, то и дело мелькают в окнах стройные бамбуковые рощи. По зеленоватой воде Ецзян скользят крытые дзонки, прохлоят большие, — вроде наших барж, — суда с желтыми парусами, спитыми из циновок. Тяжелые плоты медленно спускаются вниз по течению. Чаще и чаще деревни. Они сливаются в одно большое селение — началось предместье Кантона. Еще больше становится каналов, озер, протоков. Дома, как на холули, возвылись на сваях и стоят по колено в воде.

Но вот постепенно земля выходит из воды, появляются сухие прогалины, потом начинаются холмы.

Затем пошли парки и сады с высокими кустарниками, яркими цветами. Свайные постройки сменялись домами, прочно вросшими в землю; показывались двухэтажные, потом трехэтажные здания.

Поезд замедляет ход и, как бы запыхавшись от дальнего пробега, останавливается. Кантон.

7 МОС 1953

Литературная Газета
Москва